

Лидия Рыбакова

Стрела Зенона

Лидия Рыбакова
Стрела Зенона

«ПЦ Александра Гриценко»

2011

Рыбакова Л.

Стрела Зенона / Л. Рыбакова — «ПЦ Александра Гриценко», 2011

ISBN 978-5-457-19874-6

Книга стихотворений Лидии Рыбаковой, лауреата премии А.П. Чехова – это размышления о мироздании и предназначении человека. Не всегда человек вписывается в мир, но в ином человеческом сердце уместается целая Вселенная... Предназначено для широкого круга читателей.

ISBN 978-5-457-19874-6

© Рыбакова Л., 2011
© ПЦ Александра Гриценко, 2011

Содержание

Предисловие	5
Перепутье	7
Путь-дорога	8
Шаги	9
Жизнь	10
Вечер	11
Представление	12
Гроза	13
Иллюзия	14
В баре	16
Коппелия	17
Без тепла	18
Холодно	19
Сплетницы	20
Сольвейг, по телефону	21
Новогодний звонок в службу спасения	22
Ночь	23
Глаза	24
Под взглядом твоим...	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Лидия Рыбакова

Стрела Зенона. Сборник стихотворений

Предисловие

Герой романа Владимира Набокова «Дар» поэт Федор Чердынцев представлял читателей своих стихов как собрание неких акционеров; после прочтения книги стихов Лидии Рыбаковой я ощутил себя держателем если не контрольного пакета акций, то уж точно – минимума, дающего мне право голоса на воображаемом собрании.

Если же продолжить набоковскую метафору, то, несомненно, стихи Лидии Рыбаковой заслуживают того, чтобы быть приобретёнными в качестве некоего культурно-нравственного капитала: стихи эти честны по сути, свободны от примесей даже тогда, когда автор «играет» словами и ритмом. Им не перестаешь верить. Лидия Рыбакова не сочиняет стихи, а знакомит нас с ними, как со своими братьями и сестрами, как с собой, в конце концов, и если она пишет, что:

Пахнет вечер сыром и духами
в маленьком кафе полупустом.
Мой забытый чай остыл в стакане.
День упал увянувшим листом.

Я сижу одна.
Я всем – чужая.
Как в лесу.
Как дома.
Как в толпе.

Вопреки всему – ещё живая.
Главное, что вопреки себе. —

то это именно она сидит в кафе полупустом, а не фантом лирического героя.

Честность стихов, содержание их определяет почти всё... да не всё, постойте, нужна ведь еще и форма. С формой у автора дело обстоит великолепно: Лидия Рыбакова обладает прекрасным чувством ритма, отлично чувствует мелодию стиха, да так, что и не замечаешь двух-трех «неудачных» рифм, как не замечаешь резкого всплеска трубы в джазовой импровизации, предполагая, что так и было задумано. Прекраснейшее стихотворение «Иллюзия», которое хотелось бы оспорить мировоззренчески, но никак не получится оспорить поэтически, – оно звучит как достойный, хотя и запоздалый (и вполне женский) ответ В. Ходасевичу на его знаменитое «Перед зеркалом» («Только есть Одиночество – в раме Говорящего правду стекла»).

Ценность любой книги определяется степенью потёртости её переплёта. Не сомневаюсь, что «Стрела Зенона» постареет внешне вскоре после выхода в свет. Остаётся только пожелать Лидии Рыбаковой быть всегда, как сказал один поэт, «в мере, исполненной без остатка», и продолжить свой путь в поэзии – такой же странницей, которой есть что покидать и есть куда возвращаться.

*Александр Хабаров,
поэт, член Союза писателей России,
лауреат Всероссийской литературной премии
им. Н. Заболоцкого (2000),
Первой премии русско-американского журнала
«Seagull» (2008)*

Перепутье

Семь дорог
из-под ног
– веером.
Мне нужна
одна
– та, что глянется.
А что выберу
– то и станется,
что останется
– то утеряно.

Посижу,
погожу...
Надо ли
поспешать,
решать
нерешённое?
Что в конце пути
– дело тёмное.
Тьма бездонная
не порадует.
Оглянусь,
помолюсь
– боязно...

Не найти
пути
возвращения.
Заблудившимся
– нет прощенья,
без прощенья
– жить мне совестно.

На лугу,
да в стогу
– светел сон!
Для красы
– росы
зачерпну рукой.
Подождёт судьба
– на душе покой,
и течёт рекой
колокольный звон.

Путь-дорога

Начало долгого пути
лежит у самого порога.
Неосторожно наступил
– и увела тебя дорога.

Через цветник, за огород,
потом вдоль улицы знакомой,
по полю, через речку вброд,
– и вот уже не видно дома,

и только трав медвяный дух,
берёз серебряные струны,
туманов тополиный пух,
извилистых тропинок руны.

Идёшь, куда уводит путь
– через луга, леса и веси.
Укажет он, где повернуть,
с кем хлеб делить,
о чём петь песни.

А ты вращаешь шар земной,
ступая по нему упруго,
весь белый свет
– как дом родной
среди светил небесных круга.

На месте разучившись жить,
не измеряя расстояний,
дороги скручиваешь нить
в клубок своих воспоминаний.

Жизнь

Рисует время мелом на доске,
бессильно бьёмся мы в его руке:
сотрутся судьбы – знаки на песке.

Жизнь – наваждение. Глаз зелёных свет.
Луч встречных фар:
ночь прочертил – и нет.
Недолговечна, как весенний снег.
Как на Земле оставить мне свой след?

Так путник, что к костру присел на миг:
пришёл – юнец, ушёл – уже старик.
Из тьмы – во тьму...
Что этим он достиг?

Вечер

Пахнет вечер сыром и духами
в маленьком кафе полупустом.
Мой забытый чай остыл в стакане.
День упал увянувшим листом.

Я сижу одна.
Я всем – чужая.

Как в лесу.
Как дома.
Как в толпе.

Вопреки всему – ещё живая.
Главное, что вопреки себе.

Это безнадежно и забавно:
жизнь как вивисекция души.
День за днём
– не думаем о главном.
Лишь дерёмся, плачем и спешим!

Словно карусельные лошадки
мы уныло бегаем гурьбой.
Скучно, резво, в заданном порядке
и всегда кончаем – темнотой.

Бог – любовь? На это не похоже.
Бог – закон? Но кто законы чтит!
Раньше Он, наверно, был моложе.
И любил.
Теперь Он просто спит.

Представление

Цепко руку ухватит старуха
– посулит всё как есть рассказать.
Поднимусь к небесам – или рухну,
как и где мне дорогу искать.

Не раскидывай карты, гадалка.
Мне о будущем знать – ни к чему.
Крутят прялку угрюмые Парки,
а зачем – никогда не пойму.

Я пляшу цирковой Коломбиной
по натянутой нитке-судьбе
с вечно светлой и радостной миной,
как дурацкий фонарь на столбе.

Пусть наточен кинжал у паяца
и от ужаса пусто в груди
– представление
 должно продолжаться,
я должна танцевать и смеяться,
что бы ни было там, впереди!

Гроза

Дождь льёт как из ведра.
По крыше капли пляшут,
как будто черти там
колотят в барабан.
Пройдёт, пройдёт, пройдёт!
И будет только краше
умытый новый мир,
когда сойдёт туман.

Что – непогода?
Да, порою так бывает:
и дождь стучит в окно,
и в форточку – сквозняк.
Пройдёт, пройдёт, пройдёт!
Дождь скверну отмывает:
кто убоится здесь
его смешных атак?

Зарницы в небесах
– далёких молний блики,
и где-то далеко
рычит усталый гром.
Пройдёт, пройдёт, пройдёт!
Пусть беды многолики,
но должен устоять
надёжный крепкий дом.

Ведь строили его
не на день, а навеки!
Ведь каждый, кто здесь жил
или живёт теперь,
был не временщиком
– и добрым человеком.
И для него всегда
открыта эта дверь.

Иллюзия

Давным-давно,
совсем ещё дитя,
я перед зеркалом,
шутя,
кружилась, прыгала
и разводила руки,
не ради дела,
а от скуки.

Вдруг сразу,
вспышкой,
мне
на ум
пришло,
что зеркало
— обычное стекло,
что за стеклом
— сама же я!
движенья
покорно
повторяю
в отраженье.

И всё не так, как видится.
Иначе:
я там живу!
Дышу,
смеюсь
и плачу,
и за стеклом
— единственный герой!
А здесь лишь копия
— и номер тут второй...

И
тутошня —
я
Я
— не я!

Ил —
лю —
зи —
я...
И значит,

вся моя свобода
– предрешена!
Привычный мир
– как блик на водах,
и я вольна
лишь отражать.
Мне не сбежать.

Я руку протянула,
трепеща:
в стеклянной призме
место всем вещам
– и неживым,
и полным жизни!

Весь мир – попарно
рассечён
клинком,
божественным мечом...
И только грань,
одна,
неразделима
на...

Живу.
Молчу.
Но в доме нет зеркал.
Я не хочу,
чтоб кто-то в них упал!
Довольно и того,
что я сама не знаю:
живу?
И двигаюсь?

...А может, повторяю?

В баре

Потные улыбки
в сигаретной мгле,
голубые рыбки
в розовом стекле.
Воплощённым ноликом
в плоскостях зеркал
за соседним столиком
шепчет, что устал.
Пьяная и грустная,
распустив лицо,
тянет с пальца узкое
жёлтое кольцо.
Музыка бессмысленно
бьётся в витражи.
Не заплакать искренне,
не спастись во лжи!
Реквием вызванивают
рюмки на столе.
Плачут рыбки маленькие
в розовом стекле.

Коппелия

Ты не стой у окна, не смотри на прохожих.
Это может для них обернуться тоской.
Промелькнёт этот миг, ни на что не похожий,
заберёт навсегда призрак счастья – покой.

Кто-то станет молить, пряча слёзы в подушку,
иронически бровь приподнимет другой...
Вдаль поманит мираж невозможной игрушкой
и растает, смутив их напрасной мечтой.

Нет, не стой у окна, улыбаясь прохожим,
не бери их покой, грусть давая взамен!
День за днём полетят, безотрадно похожи,
а они будут верить
– и ждать перемен.

Без тепла

Позабыв о весне, можно дней не считать.
И в покое наркоза, расслабленно-белом,
снов бездумных пустые страницы листать,
не стремясь никуда ни душою, ни телом.

Позабыв о весне, можно долго прожить,
тихо-тихо дыша, никому не мешая.
Ничего не хотеть, никого не любить,
ни друзей, ни врагов узнавать не желая.

А когда ты уйдёшь, словно камень на дно,
не заплачет никто – и остынет планета.
Потому что душою ты умер давно.
Позабыв о весне.

Не надеясь на лето.

Холодно

В пачке больше нет сигарет,
окна
 чужие
 пусты.
Тихо ложится на землю снег,
слабый,
 как я
 и ты.
Ночь, как дорога, тоскливо-длинна,
если
 всё время
 ждать,
зная: никто не придёт сюда,
глупо
 в дверях
 стоять.
Мёртвый и зябкий неоновый свет
– мутный
 сон
 фонарей...
Снежному городу дела нет,
кто там
 просит:
 «Согрей!»
Дым сигаретный горчит и жжёт,
болью
 в висках
 стучит.
В окнах бесцветных стекло – как лёд.
Сонный
 город
 молчит.

Сплетницы

Вечор опять судили да рядили
под окнами,
нисколько не стыдясь...
Наотмашь, зло кувалды слов лупили,
меня легко затаптывая в грязь.
Всё знает он,
всё судит ядовито
скамеечных старух ареопаг.
И льётся клевета, их «аква вита»,
лаская благодарный слух зевак.
А завтра,
как всегда,
под перекрестье
прицельных злобных взглядов...
Не впервой:
блесну клыками квочкам на насесте,
и – шаг сквозь строй!

Сольвейг, по телефону

Мой друг уехал в Эквадор
и пишет мне, что там тепло.
Ему с погодой повезло
– там нет московских снежных гор.

Там пахнет морем свежий бриз,
и шумно дышит океан,
а в небесах аэроплан
кружит – должно быть, смотрит вниз.

Мой друг там счастлив в первый раз
– он ненавидел снег и лёд,
бессильно он твердил: «Пройдёт,
зима пройдёт, уйдёт от нас...»

Он счастлив – и к несчастью глух!
Застыло сердце – вот беда.
Мой дом засыплет без следа
надежд умерших белый пух.

Новогодний звонок в службу спасения

– Алё, это служба спасения?
Хочу я солнца весеннего!
Ручьёв хочу, и корабликов,
и звонко свистящих зябликов!

В стыни снежно-безжалостной
замёрзла душа, не тает.
Мне так тепла не хватает
– спасите меня, пожалуйста!

Ночь

Чертят шины по асфальту непонятные узоры,
в лабиринте улиц гулких заблудившись в темноте,
шепчут странные заклятья под мурлыканье мотора,
светофора зрак зелёный их пугает в пустоте.

В переулках ветер бьётся,
дребезжит в оконных стёклах,
как бездомная собака прижимается к домам,
и, сосульками играя, словно девочка смеётся,
озорным стеклянным звоном не даёт покоя нам.

Глаза

Погляди в глаза.
Это не слеза.
Это не гроза – и не грёзы.
Это два окна,
где душа видна,
там одна она.

И серьёзно
никого не ждёт,
песен не поёт,
имя той души – Холод.
Что тебе она,
если взор без дна
сквозь тебя – как злой
голод...

Пустота внутри.
И себе не ври,
и не говори:
«Двери
не открыть никак»!
Как же ты, чудак,
не поймёшь: «за так»
там не верят!

За стеклом темно.
Для чего окно,
если там ни лика, ни света?
В путях немоты
– лишь зеркальный ты,
сам себе не давший
ответа.

Под взглядом твоим...

В наряде шёлковом
длинном
с каймою узорной
узкой,
себе пред тобой,
невинным,
кажусь я шлюхой
французской.

С тобой – как на поле
минном,
в потоке не зная
русла,
измученным пили —
гримом,
сквозь время глядящим
пусто.

За привкус губ пряно —
винный,
за профиль сухой
этрусский
доступной стану,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.